

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

НОВЫЕ КНИГИ

Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 10. С. 502-511.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

НОВЫЯ КНИГИ.

Проф. **А. Спасскій**, Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). I. Томъ первый. Тринитарный вопросъ (Исторія ученія о св. Троицѣ). Сергіевъ Посадъ 1906 (стр. 652—II+II). Цѣна 2 р. 50 к.

Еще Мосгеймомъ, „отцомъ“ новой церковной историографіи, въ XVIII в. со всею опредѣленностью и рѣшительностью выставлено было и осуществляется прежде всего имъ самимъ требованіе относиться всегда при изложеніи церковной исторіи съ должнымъ вниманіемъ къ тому вліянію, какое имѣли на развитіе христіанской мысли и жизни философскія идеи того или другого времени. Обособившаяся затѣмъ въ протестантскомъ богословіи въ особую дисциплину исторія христіанской догмы, имѣющая уже нынѣ на нѣмецкомъ языкѣ обширную литературу и специальныхъ изслѣдованій и цѣлыхъ курсовъ, въ особенности въ послѣднее время не только признаетъ законѣрность этого требованія, но стремится и на дѣлѣ удовлетворить ему. Значеніе философіи, какъ фактора догматическаго развитія въ христіанствѣ, при этомъ частію даже преувеличивается до недожныхъ размѣровъ. Извѣстно напр., что для Гарнака, авторитетнѣйшаго современнаго представителя названной дисциплины, корифея историческаго богословія въ Германіи въ настоящее время, основнымъ предположеніемъ въ его *Dogmengeschichte* ¹⁾

¹⁾ А. Harnack, Lehrbuch der DG. I—III (1886—90). 3 Aufl. Leipzig 1894—97; Grundriss der DG. (1889—91). 4 Aufl. Leipzig 1905.

является мысль, что христианская догма по самому содержанию и существу есть не болѣе какъ „концепція греческаго духа на почвѣ Евангелія“, именно есть результатъ примѣненія понятій греческой философіи къ даннымъ Евангелія. Къ Гарнаку болѣе или менѣе примыкаетъ Лоофсъ съ своимъ цѣннымъ компендіумомъ по этой наукѣ ¹⁾

Въ русской литературѣ по исторіи догмы доселѣ можно было указать собственно лишь не особенно многочисленныя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ. Проф. А. П. Лебедевъ былъ пионеромъ болѣе или менѣе подробнаго цѣльнаго изложенія исторіи догматическихъ споровъ, волновавшихъ церковь въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Но детальное выполненіе специальныхъ задачъ исторіи догмы не являлось цѣлюю его трудовъ, какъ имѣвшихъ болѣе общія церковно-историческія задачи. О лекціяхъ В. В. Болотова по исторіи древней церкви, извѣстныхъ пока лишь въ литографированномъ видѣ, нужно сказать въ данномъ случаѣ частію то же самое. Что касается опытовъ исторіи догмы въ собственномъ смыслѣ, въ видѣ особыхъ курсовъ, то появленія ихъ, повидимому, трудно было бы ожидать отъ русской богословской науки, когда даже католическая Франція съ столь славнымъ нѣкогда въ данномъ отношеніи прошлымъ, представленнымъ именемъ Петавія съ его *De theologicis dogmatibus*, до послѣдняго времени не имѣла подобнаго опыта ²⁾. Въ болѣе или меньшей степени историческія свѣдѣнія о догматахъ вводимы были у насъ въ системы догматическаго богословія (Макарія, Сильвестра).

Проф. А. А. Спасскій въ обширномъ предпринятомъ имъ трудѣ о догматическихъ движеніяхъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ имѣетъ намѣреніе, какъ это отмѣчается въ самомъ заглавіи его книги, обращать вниманіе на ту именно сторону дѣла, разработка которой и должна входить, при современной спеціализаціи богословской науки на западѣ, въ задачи такъ назыв. исторіи догмы. Отличіе его труда въ сравненіи съ западными *Dogmengeschichten* въ ихъ соотвѣт-

¹⁾ F. Loofs, Leitfaden zum Studium der DG. (1889). 4. Aufl. Halle a. S. 1906.

²⁾ Cp. J. Tixeront, Histoire des dogmes. I. La théologie anténicéenne. Paris 1905 (3 éd. 1907), p. 16. Книга Тиксерона и должна восполнить этотъ пробѣлъ.

ствующихъ отдѣлахъ состоитъ въ томъ, что онъ не ограничивается выясненіемъ исторіи развитія и взаимоотношенія однѣхъ лишь идей, но съ подробностію излагаетъ и исторію вообще фактовъ догматической борьбы того времени, желая дать цѣльное изображеніе изслѣдуемыхъ движеній. Но и объ исторіи догмы Гарнака извѣстно, что она, по обилію внесеннаго въ нее разнообразнаго церковно-историческаго матеріала, не вполне подходитъ подъ обычный установившійся на западѣ типъ курсовъ этой науки.

Вышедшій первый томъ сочиненія обнимаетъ исторію ученія о св. Троицѣ въ IV в. Въ качествѣ обширнаго введенія (стр. 5—127) предпосылается имѣющая въ цѣломъ, по замѣчанію автора, лишь пропедевтическое значеніе для читателей сочиненія „Исторія ученія о св. Троицѣ въ первые три вѣка христіанства“. Затѣмъ излагается въ 8 главахъ исторія аріанскихъ движеній въ IV в. I и II главы посвящены начальной доникейской стадіи этихъ движеній и никейскому собору съ его ближайшими слѣдствіями. Въ дальнѣйшихъ пяти главахъ содержится исторія послѣдующей борьбы изъ-за никейскаго символа, съ подраздѣленіемъ ея на два періода, границею между которыми является царствованіе Юліана. Наконецъ, VIII глава имѣетъ предметомъ завершительные результаты тринитарныхъ споровъ въ царствованіе Θεодосія В., въ частности константинопольскій соборъ 381 г. съ его символомъ. Обширные экскурсы, посвященные вопросамъ исторіи догмы, чередуются въ сочиненіи съ изложеніемъ внѣшне-фактической стороны споровъ.

Сосредоточивая особое вниманіе на выясненіи внутренней стороны излагаемой исторіи и опредѣляя дѣйствительную причину протеста восточныхъ епископовъ противъ никейскаго символа, обусловившую столь продолжительную упорную борьбу противъ него, авторъ, въ противоположность односторонней оцѣнкѣ „антиникейцевъ“, ведущей начало еще отъ Епифанія и Сократа и долгое время державшейся въ наукѣ и въ новое время, всецѣло принимаетъ тотъ правильный взглядъ на нихъ, что въ своей главной массѣ, за исключеніемъ сравнительно немногочисленныхъ убѣжденныхъ послѣдователей ученія Арія, они были православны и только иными словами, нежели никейскій символъ, выражали свои догматическія убѣжденія, и въ своемъ протестѣ противъ никейскихъ опредѣленій руководились на дѣлѣ возвышеннымъ

и достойнымъ ихъ сана мотивомъ—предохранить вѣру отъ какихъ-либо нововведеній; они именно боялись опасности савелліанства и подозрѣвали въ этой ереси защитниковъ никейскаго символа. Черезъ это устанавливается точка зрѣнія и вообще для оцѣнки событій церковной жизни IV в. „Эти событія, по словамъ автора, не только не были позоромъ для церкви, какъ то часто утверждаютъ протестантскіе историки, а наоборотъ, представляютъ собой одно изъ тѣхъ великихъ историческихъ движеній, созерцаніе которыхъ способно дать высокое эстетическое и моральное наслажденіе. Они,—эти событія,—наглядно показываютъ, съ какою чуткою осмотрительностью, съ какою осторожностью церковь устанавливала свои догматическія опредѣленія“. Никейская формула утверждается въ общемъ сознаніи церкви не раньше, какъ были исчерпаны всѣ возраженія противъ нея (248—9). Но на ряду съ этимъ авторъ весьма хорошо выясняетъ и тѣ постороннія для существа догматической борьбы культурно-историческія и политическія условія, которыя осложняли ее и которыя преимущественно и придавали антиникейскому движенію невыгодную для него окраску. Авторъ при этомъ вездѣ хочетъ быть вполне объективнымъ и свободнымъ отъ какихъ-либо чуждыхъ исторической истинѣ тенденцій.

Общій итогъ сочиненія по отношенію къ намѣченной въ самомъ заглавіи особой задачѣ — прослѣдить связь между догматическими движеніями и философскими ученіями той эпохи, сводится къ тому, что если въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, при разработкѣ христіанскаго богословія отдѣльными лицами, отражается вліяніе различныхъ философскихъ системъ, то и въ IV в., когда выступаютъ на сцену цѣлая школа и когда въ догматическую борьбу вмѣшивается, какъ новая сила, государство, борьба между догматическими партіями ведется въ концѣ концовъ также на философской почвѣ и по-прежнему на первыхъ порахъ сохраняется полная свобода для дѣятельности богословской мысли. Мысль древней церкви наиболѣе склоняется къ неоплатонизму и устраняетъ изъ области богословія какъ стоицизмъ, сказавшійся въ савелліанствѣ, такъ и понятія аристотелевской философіи, отразившіяся въ ереси Арія и его послѣдователей (648). Эти общія положенія разъясняются и обосновываются въ частностяхъ при изложеніи различныхъ доктринъ.

Фактъ близости многихъ отцовъ церкви къ платоновой

философіи и вліянія неоплатонизма на богословіе древней церкви съ давнихъ поръ уже подвергался обсужденію въ наукѣ и вопросъ можетъ быть только о степени этого вліянія и оцѣнкѣ его значенія. По Гарнаку, побѣда неоплатонизма надъ аристотелизмомъ и стоицизмомъ въ церковной наукѣ сказалась уже въ концѣ III в. съ утверженіемъ ученія о Логосѣ (Harnack, Lehrbuch der DG. I³, 697). Авторъ видитъ вообще въ фактѣ вліянія греческой философіи на церковную догматику не превращеніе христіанства въ эллинизмъ, какъ это слѣдуетъ, напр., изъ общей концепціи исторіи христіанской догмы Гарнака, а напротивъ, обращеніе эллинизма въ христіанство. „Метафизическія идеи философіи, пересаживаемыя въ христіанскую церковь, здѣсь перерождались и получали другой высшій и духовный смыслъ и, какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ и здѣсь, въ сферѣ философіи, христіанская религія извлекла всѣ свѣжіе соки, преобразовала ихъ сообразно своему собственному духу и усвоила себѣ, какъ принадлежащую себѣ собственность“. Но при этомъ вѣра въ воплощеніе Сына Божія, какъ основной пунктъ христіанской религіи, который и былъ внутреннимъ мотивомъ догматическихъ, прежде всего тринитарныхъ, движеній въ древней церкви, составляла исключительную особенность христіанства и вносила коренное различіе въ христіанское нравственное міровоззрѣніе въ сравненіи съ неоплатоническимъ (650—1).

Участіе аристотелизма въ той или другой мѣрѣ, чрезъ посредство антиохійской школы (Павелъ самосатскій, лукіанисты), въ произведеніи аріанской ереси нужно, съ другой стороны, признать также безспорнымъ. Равно несомнѣнно и тяготѣніе къ нему позднѣйшихъ представителей этой ереси.

Болѣе можетъ возбуждать вопросовъ и требовать разъясненія точное установленіе отношеній между савелліанствомъ, или вообще модалистическимъ монархіанствомъ, и стоическою философіею. Вообще исторія монархіанства, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, не можетъ еще считаться достаточно разработанною въ современной наукѣ (49²). Въ дѣйствительности, спорныхъ вопросовъ здѣсь, можетъ быть, даже больше, нежели какъ это выступаетъ въ изложеніи автора. При скудости или недостаточной опредѣленности историческихъ данныхъ, здѣсь возможны пока разногласія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ. Напр., по вопросу о самомъ содержа-

ниі ученія Савеллія, тезисъ Цана о смѣшеніи позднѣйшими писателями савелліанскихъ воззрѣній съ воззрѣніями Маркелла анкирскаго, принятый съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ или дополненіемъ Гарнакомъ и принимаемый въ этомъ видѣ также А. А. Спасскимъ (114—115), В. В. Болотовъ не признавалъ вполне обоснованнымъ и соглашался, наоборотъ, съ мнѣніемъ о двухъ стадіяхъ въ богословіи самого Савеллія. Въ общемъ, однако, зависимость ученыхъ представителей модализма отъ стоической логики и метафизики можно считать почти доказанною послѣ сближеній и указаній сдѣланныхъ нѣкогда еще Гагеманномъ (ср. Harnack, l. c. 696—7).

Объединеніе въ одномъ трудѣ болѣе или менѣе подробнаго изложенія и внутренней и внѣшней стороны исторіи догматическихъ движеній IV в. представляло въ цѣломъ весьма широкую задачу при многосодержательности церковной жизни этой эпохи и разнообразія и сложности ея явленій. По многимъ отдѣльнымъ пунктамъ требовались бы предварительныя спеціальныя работы; но ихъ нѣтъ пока и въ богатой западной литературѣ. Авторъ отмѣчаетъ, напр., скудость ученыхъ трудовъ о великихъ каппадокійцахъ, Василии В. и Григоріи Назіанзинѣ, и о ихъ богословіи (478—9з). Но если болѣе, какъ говоритъ онъ, посчастливилось въ этомъ отношеніи Григорію Нисскому и онъ довольно часто привлекалъ вниманіе изслѣдователей своими воззрѣніями, то о далеко не соответствующемъ этому интересу къ нему состояніи его твореній въ печати можно читать характерныя заявленія у Лоофса въ Hauck's Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche, B. VII [1899], S. 146—148. Авторъ съ своей стороны не имѣетъ въ виду вводить въ свое изслѣдованіе всѣ относящіяся къ тринитарнымъ спорамъ IV в. явленія богословской мысли и литературы. Но можно бы пожелать, напр., хотя бы краткаго упоминанія о роли Амфилохія иконійскаго въ исторіи тринитарнаго вопроса на основаніи цитируемой въ одномъ мѣстѣ (494 прим.) книги K. Holl, Amphilocheus von Ikonium in seinem Verhältniss zu den grossen Kappadoziern. Tübingen und Leipzig 1904. Вопросу о значеніи Дидима, съ именемъ котораго авторъ еще въ первомъ своемъ ученомъ трудѣ объ Аполлинаріи лаодикійскомъ (1895) столь почетнымъ для себя образомъ связалъ въ наукѣ свое имя, также могло бы быть удѣлено нѣсколько мѣста, въ виду уже замѣчанія о немъ въ [Möller-] Schubert, Lehrbuch der Kirchengeschichte.

В. I. 2 Aufl. Tüb. u. Leipzig 1902. 501—502, cf. 511, и монографіи J. Leipoldt'a *Didymus der Blinde von Alexandria*. Leipzig 1905. (Texte und Untersuchungen herausgeg. v. Gebhardt und Harnack, Neue Folge XIV, 3).

Полнота библиографическихъ указаній видимо не входила въ задачи автора и онъ не упоминаетъ иногда о сочиненіяхъ, которыя несомнѣнно были ему извѣстны. Между прочимъ, въ ряду полезныхъ руководствъ при изученіи Аѳанасія В. (178—179 прим.) не излишне было бы поставить и старую книгу Voigt'a *Die Lehre des Athanasius von Alexandrien*. Bremen 1861. При изложеніи исторіи сношеній востока съ западомъ въ IV в. не бесполезно имѣть въ виду книгу F. W. Puller'a *The primitive Saints and the See of Rome*. 3 ed. London 1900. Исслѣдованіями F. Cavallera, *Le Schisme d'Antioche*. Paris 1905, и G. Lüscke, *Das Syntagma des Gelasius Cyzicenus*. Bonn 1906, авторъ не успѣлъ воспользоваться. Вторая часть церковной исторіи Дюшена, L. Duchesne, *Histoire ancienne de l'Eglise*. T. II. Paris 1907, посвященная IV вѣку, вышла въ свѣтъ уже послѣ появленія его труда. Между прочимъ, можно бы признать желательнымъ въ русскомъ сочиненіи болѣе полное указаніе русской соотвѣтствующей литературы.

Спорность и недостаточная выясненность въ наукѣ разныхъ частныхъ вопросовъ дѣлаетъ возможнымъ несогласіе съ авторомъ въ отдѣльныхъ пунктахъ. Возможны въ частныхъ случаяхъ и различныя дополненія и поправки промаховъ, объясняемыхъ иногда лишь недосмотромъ. Здѣсь указываются нѣкоторыя изъ такихъ частныхъ.

Стр. 77: Ахамоеъ у валентиніанъ не порождаетъ эоновъ, но сама является лишь порожденіемъ одного изъ эоновъ, именно послѣдняго.

111: Говорить о заимствованіи Оригеномъ отвлеченности въ понятіи о Божествѣ именно отъ самого Плотина не представляется возможнымъ; онъ могъ быть лишь, вмѣстѣ съ Плотиномъ, ученикомъ Аммонія Сакка.

114—115: Второй изъ усвояемыхъ Цану тезисовъ по вопросу о савелліанствѣ принадлежитъ собственно Гарнаку. Harnack, l. c. 719.

144—145: Авторъ, повидимому, при своемъ желаніи быть вполне безпристрастнымъ, оказывается склоннымъ идеализировать Евсевія никомидійскаго болѣе чѣмъ слѣдуетъ и проходить молчаніемъ обычную характеристику его, какъ лов-

каго политика-интригана. О Евсевіи никомидійскомъ есть изслѣдованіе A. Lichtenstein'a Eusebius von Nikomedien Persönlichkeit und Leben unter besonderen Berücksichtigung seiner Führerschaft im arianischen Streit. Halle 1903.

148: Какъ было разъяснено В. В. Болотовымъ въ Theodoretiana (Христ. Чт. 1892, II, 148—154) и какъ было высказываемо еще ранѣе Балюзомъ (ср. Христ. Чт. 1907, I, 261—263 примѣч.), адресатомъ письма Александра александрійскаго Ἡ φίλτροςъ былъ Александръ не византійскій, а ессалоникскій.

152—154: Антиохійскій соборъ 324 г. съ его посланіемъ къ Александру византійскому [ессалоникскому?] не всѣми признается за безспорный фактъ, какъ это дѣлаетъ авторъ вслѣдъ за Швартцемъ. Ср. Duchesne, l. c. 137₂. — Нужно замѣтить, что вообще событія первоначальной исторіи арианскаго движенія и ихъ порядокъ представляютъ пока очень много неяснаго и спорнаго.

265: Что историкъ Сократъ былъ чтецомъ — или точнѣе клирикомъ — въ Тессаліи, это можно выводить изъ его исторіи V, 22 (р. 633 ed. Hussey) лишь при неправильной пунктуациі греческаго текста, каковая и предполагается въ русскомъ переводѣ его труда.

266: Преемникомъ Александра ессалоникскаго былъ не Іеремія, а Аэтій, присутствовавшій на сердикскомъ соборѣ; за нимъ слѣдоваль Іремій (Ἰρέμιος).

267—8: Датѣ смерти Александра александрійскаго въ указателѣ къ пасхальнымъ посланіямъ Аѳанасія В., 328 апрѣля 17, показаніе Аѳанасія въ Apol. c. arian. 59 можетъ не противорѣчить, если 5 мѣсяцевъ считать здѣсь не послѣ никейскаго собора, а послѣ вступленія въ церковь мелитіанъ, которое могло имѣть мѣсто въ концѣ 327 года, какъ принимаетъ это Duchesne, l. c. 166₂.

289₂: По поводу имени Арія въ сирскомъ мѣсяцесловѣ необходимо принять во вниманіе замѣчаніе В. В. Болотова въ статьѣ „Слѣды древнихъ мѣсяцеслововъ помѣстныхъ церквей“ (Христ. Чт. 1893, I, 178—180).

331: Лоофсъ въ въ RE³ II [1897], S. 27 приводитъ серьезныя соображенія въ пользу того, не слѣдуетъ ли „вычеркнуть изъ достовѣрной исторіи“ соборъ въ Филиппополѣ. Посланіе восточныхъ само выдаетъ себя написаннымъ изъ

Сердики и нѣтъ, кажется, какихъ-либо серьезныхъ основаній не довѣрять ему.

445: Мелетія едва ли справедливо характеризовать какъ „омія по убѣжденію“ на первыхъ порахъ, хотя бы уже „съ нѣкоторою склонностью къ оміусіанству“, не смотря на его первоначальную осторожность въ выраженіи догматическихъ взглядовъ. Самъ авторъ далѣе (473) называетъ его и Пелагія лаодикійскаго людьми, которые стояли съ оміями „лишь въ случайномъ соприкосновеніи“ еще до поставленія ихъ оміями на антiохійскую и лаодикійскую каедры. Тоже нужно сказать и о Евсевіи самосатскомъ и Павлѣ эмесскомъ (491).

485₂: Изложеніе хринологическаго ученія Аполлинарія и его оцѣнку авторъ обѣщаетъ дать во второмъ томѣ своего труда (552—3₄). Но нельзя не замѣтить теперь же, что весьма большое недоумѣніе возбуждаютъ его слова, будто ученіе Аполлинарія о Лицѣ Иисуса Христа, за которое онъ осужденъ былъ церковью, „лишь по недоразумѣнію и велѣдствіе перетолкованія было признано неправильнымъ“. Съ этимъ рѣшительно несогласно все то, что говорится по этому поводу въ прежнемъ изслѣдованіи автора объ Аполлинаріи, къ которому, однако, авторъ самъ отсылаетъ для ознакомленія съ „подлиннымъ ученіемъ“ Аполлинарія (552—3₄: ссылка на страницы изслѣдованія 257—263 [269—опечатка] и 452 [425—опечатка]—465). Авторъ не падитъ тамъ рѣзкихъ выраженій по адресу именно этого „подлиннаго“ ученія, какъ исполненнаго заблужденій (260, 262), вводившаго новшества (461) и несоединимаго съ вѣрою церкви (462), „прямо извращавшаго существо христіанской вѣры“ и отвергнутаго не только „лучшими людьми IV вѣка“, но и позднѣйшими монофиситами (464—5).

529₂: Тезисъ о принадлежности приписанныхъ Василию В. двухъ книгъ противъ Евномія (IV и V) не считаетъ окончательно установленнымъ Holl, l. c. 245, и пытается опровергнуть Leipoldt, l. c. 26—31. Разъясненія по этому вопросу даетъ F. X. Funk, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen. B. III. Paderborn 1907.

562₁: Сужденія автора, равно какъ и Лоофса, о Василии В. не во всемъ являются справедливыми. Едва ли можно утверждать, что Евстаѳій, который „хулилъ Духа Св.“ (561), при своемъ авторитетѣ въ извѣстныхъ кругахъ, не былъ „опаснымъ врагомъ вѣры“ и что „лишь изъ личныхъ счетовъ

Василій сдѣлать его таковымъ и требовалъ осужденія отъ папы“.

Текстъ книги не мало страдаетъ отъ корректурныхъ ошибокъ и недосмотровъ, неудобныхъ особенно тамъ, гдѣ дѣло касается цифръ и собственныхъ или иностранныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ указаны въ концѣ, но осталось много и неотмѣченныхъ. Такъ вмѣсто „аназарвскій“ стоитъ аназаварскій“ (144) или „аназабарскій“ (145, 215, 357), вмѣсто „Филагрій“ дважды стоитъ „Филастрій“ (312, 332). „Калабрійскій“ на стр. 344 должно быть исправлено въ „каларисскій“. Ср. также „ларіумъ“ (88), вмѣсто „лараріумъ“, „сатра“ (554) вмѣсто латинскаго „самра“, „оловахъ“ (573) вмѣсто „оволахъ“. Стр. 575: Переводъ „П р и с к и“ = *Versio prisca*, есть конечно опечатка или описка; „Люценскій кодексъ“ = *Lucensis*, луккскій.

На отсутствіе въ концѣ книги указателя иностранныхъ рецензентъ работы автора, N. Von wetsch, въ своемъ отмѣчающемъ ея достоинства отзывѣ (*Theolog. Literaturblatt* 1907, № 34, 405—406), указываетъ какъ на „большой недостатокъ“, который впрочемъ, по его словамъ, она „раздѣляетъ почти со всѣми русскими богословскими сочиненіями“.

Привѣтствуя обогащеніе русской церковно-исторической литературы серьезнымъ трудомъ, посвященнымъ разработкѣ столь важнаго предмета съ недостаточно еще изслѣдованной въ наукѣ стороны, можно высказать пожеланіе, чтобы онъ послужилъ толчкомъ и былъ исходнымъ пунктомъ къ появленію въ дальнѣйшемъ въ русской наукѣ частнѣйшихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ затронутымъ и намѣчаемымъ въ немъ вопросамъ. Прежде же всего нужно пожелать появленія въ скорѣйшемъ времени продолженія труда самого автора.

А. Бриллиантовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки